

Айчынныя крытыкі імкнучца ўлічваць аксіялагічныя каштоўнасці беларускага народа, увасобленыя ў мастацкіх творах. Гэта традыцыя была распачата яшчэ ў XIX стагоддзі, дзякуючы паэтам-рамантыкам.

Літаратура

1. *Багдановіч, М.* Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – Т. 2 : Маст. проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзій і нататкі, чарнавыя накіды. – 600 с.
2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – Т. 4 : Асветніцтва. – 431 с.
3. *Каган, М. С.* Эстетика как философская наука / М. С. Каган. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.
4. *Конан, У. М.* Выбранае / У. Конан ; уклад. М. А. Козенкі. – Мінск : Смэлтак, 2009. – 536 с.
5. *Максімовіч, В. А.* Эстэтычныя пошукі ў беларускай літаратуры пачатку XX стагоддзя / В. А. Максімовіч. – Мінск : Аракул, 2000. – 348 с.
6. Міждысцыплінарныя даследаванні актуальных праблем тэорыі літаратуры / М. А. Тычына [і інш.] ; навук. рэд. М. А. Тычына ; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 396 с.
7. *Саверчанка, І. В.* Мастацкія і эстэтычныя дамінанты твораў Максіма Гарэцкага / І. В. Саверчанка // Род. слова. – 2012. – № 1. – С. 4–8.
8. *Саверчанка, І. В.* Геній нацыі / І. В. Саверчанка // Польшча. – 2012. – № 11. – С. 129–136.
9. *Саверчанка, І. В.* Жыве паміж намі дудар наш... / І. В. Саверчанка // Польшча. – 2015. – № 8. – С. 141–148.
10. *Фихте, И. Г.* Основные черты современной эпохи. / И. Г. Фихте. – СПб. : Д. Е. Жуковский, 1906. – IV, 232 с.
11. *Чачот, Я.* Выбраныя творы ; уклад. К. Цвірка. – Мінск : Беларус. кніга-збор, 1996. – 374 с.
12. *Яскевич, А. С.* Природа в свете Библии / А. С. Яскевич. – Минск : Царкоўнае слова, 2003. – 167 с.

И. П. Кудреватых (Беларусь)

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Одна из составляющих национального самосознания – чувство гордости за свой язык, отражающий духовное развитие народа, его традиции и культуру. Однако искусство слова, к которому еще до 80-х гг. XX ст. так безразлично относилось наше общество, утратило сегодня свои ценностные характеристики, противопоставив «великому и могучему» небрежное городское просторечие. Речевая

ситуация, сложившаяся на рубеже веков, заставляет по-новому взглянуть на проблему функционирования языка. Прозрачность границ между устным и письменным общением, снижение и нивелировка стилей, определяющих ситуацию общения, заставляют искать пути преодоления той тотальной безграмотности, которая разделяла общество на две группы: с одной стороны оказались люди, ответственные за слово, с другой – люди, с радостью переставшие задумываться о форме выражения своих мыслей, хотя нас оценивают не по тому, что мы говорим, а по тому, как мы говорим. Т. Г. Винокур очень точно определила речевое поведение как «визитную карточку человека в обществе». Сегодня изменились условия функционирования языка, затрагивающие практически все сферы жизни нашего общества и, конечно, изменилась сама речь. Современная речевая ситуация осложняется тем, что средоточием норм все больше становятся средства массовой информации, завоевывающие читателя и насаждающие свой языковой вкус. Кроме того, появление большого количества словарей, подтверждающих шквальное разрастание вариантных форм, ранее считавшихся показателем разговорного стиля, – свидетельство отсутствия желаемого языкового единообразия.

Речевая коммуникация – это человеческая деятельность, протекающая в конкретном социальном контексте и имеющая своей конечной целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости определенных положений. Такие компоненты социального взаимодействия, как текст, речевое действие, речевая ситуация, речевое событие и др. не мыслятся вне собственно языка, хотя исторически речь, речевая системность предшествуют языку, о чем говорил еще Ф. де Соссюр. Речь профессионально подготовленных людей – показатель культуры мышления, их общей культуры. «О, если б слово мысль мою вмещало!» – воскликнул Данте, завершая «Божественную комедию». Одной из центральных категорий человеческой жизни и деятельности вообще является убеждение. В то же время это одна из сложных, противоречивых, с трудом поддающихся анализу категорий. Новые общественные условия – свобода слова – требуют от каждого члена общества активных речевых действий и умений говорить убедительно. Однако эта свобода, как сказал Н. С. Михалков, «лишила нас возможности говорить на человекообразном своем языке». Изменения речевой ситуации с конца прошлого столетия по силе своего воздействия на общество подобны революции. Поэтому извечные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» вполне закономерны сегодня и не могут не волновать людей, которые небезразличны к состоянию современного русского языка.

Нормативный аспект культуры речи – один из важнейших, но не единственный. Не менее важным является и этический аспект. После распада Советского Союза образовалась лакуна в употреблении формулы обращения. Еще 40 лет назад мы все были *товарищами*, в известных ситуациях – *гражданами*. Сегодня мы *мужчина* и *женщина*. Почему в обществе, имеющем богатые традиции и многовековую культуру, все больше наблюдается пренебрежительное отношение к языку? Нежелание задумываться о воздействующей силе слова приводит

иногда к резкому снижению интереса к собеседнику, т. к. мы слушаем не речь, а человека, который ее говорит. Словесный нигилизм устойчиво противодействует распространению нормированного слова – точного и выразительного, емкого и уместного одновременно. Как исправить сложившуюся ситуацию – заставить говорящего по-новому взглянуть на язык и оценить его как национальное достояние? Народная мудрость гласит: «Есть только один путь заставить человека говорить грамотно – научить его любить свой язык».

В основе интерпретации высказывания лежит труд понимания. «Всякое понимание чревато ответом, – писал М. М. Бахтин, – в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» [1, с. 246]. Основная функция языка – функция социального взаимодействия, или коммуникативная, – особенно ярко проявляется именно в отношениях говорящего / пишущего, слушающего / читающего. Однако не всегда при этом достигаются цели коммуникации. Вот пример из телепередачи: «Если вдруг вас закроют, есть планы, перспективы?» – «Ну, во-первых, мы не знаем, закроют или нет. Следите за афишами» (во-вторых, к сожалению, не прозвучало). Такому диалогическому общению присуще явление, которое получило название «коммуникативная неудача» – полное или частичное непонимание собеседником смысла высказывания. Причинами коммуникативных неудач могут выступать различные явления, связанные с возрастом, воспитанием, образованием, а также отношения людей друг к другу, строящиеся по концептуальному признаку свой / чужой, знакомы / незнакомый, доброжелательный / недоброжелательный и т. д., т. е. как результат социальной ориентации коммуникантов, у которых различная текстовая картина мира.

Чаще коммуникативные неудачи возникают в устном общении, реже – в письменном, например, в художественном произведении как следствие стилистического маркера определенных взаимоотношений, с одной стороны, с другой – как следствие психического состояния его героев. Художественный текст отличается своими правилами словоупотребления, своей грамматикой, в результате складывается особая социальная данность. Интерпретация художественного произведения, связанная с синтаксическим значением языковых форм и конструкций, с их бесконечной вариативностью и изменчивостью, способствует богатейшим читательским ассоциациям, подтверждая мысль Ю. М. Лотмана о том, что чем больше интерпретаций текста, тем текст ценнее. Понимание художественного текста всегда было связано с его основной функцией – эстетической как проявлением образности, т. е. способности языковой единицы приобретать новые смыслы в процессе художественной коммуникации. Это обстоятельство позволило Ю. М. Лотману назвать художественную литературу «самым экономным и компактным способом хранения и передачи информации» [3, с. 33], а М. Е. Салтыкову-Щедрину – «сокращенной вселенной». Художественная литература, которой, по словам Г. О. Винокура, свойственна «неизбежная образность каждого слова», должна оставаться скорее воздействующей, чем констатирующей.

В художественном тексте коммуникативные неудачи, как правило, – это стилистический прием, создающий психологический эффект комического. Они строятся

как языковая игра (Л. Витгенштейн) – особая техника влияния на мыслительную сферу человека в результате неожиданного перехода слушающего от одной реальности к другой, например, у В. Токаревой: *Мои мозги перемешали большая ложка. Или маленькой. Не важно; В груди прочно застряла шаровая молния, и я плаваю в собственных страданиях* («Звезда в тумане»); *Он тряхнул головой и бросил свое лицо в ее сторону; Голое платье мстило, как умело* («Длинный день»). Контаминирование в одном предложении прямых и переносных значений создает впечатление «серьезной шутливости», окрашенной ироническими оттенками. Языковая игра – высший уровень владения языком, на котором язык творчески используется в целях шутки, преобразуя коммуникативные недостатки в коммуникативные достоинства. В плане антропоцентрической парадигмы коммуникативная стилистика позволяет по-новому взглянуть на язык как на средство воздействия, или на язык в человеке и человека в языке. Именно язык художественных произведений призван демонстрировать стилистическое богатство литературного языка, степень, глубину, многообразие его функциональных возможностей. И в этом плане художественная литература обладает неоспоримым приоритетом. Художественное произведение, являющееся средством социальной коммуникации и потому имеющее социальную значимость как инструмент воспитания уважения и любви к родному слову, создается для того, чтобы его читали, а главное – понимали. Вспомним у В. Маяковского: «Я хочу быть понят своей страной...». Изучение языка художественной литературы имеет сегодня первостепенное значение, поскольку художественное произведение качественно отличается от всех других искусств. Как указывает Л. А. Новиков, «это – явление психическое, наиболее гибкий и «подвижный» материал» [4, с. 7]. «Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять... чужое сознание, его мир, то есть другой субъект (DU) <...> Понимание всегда в какой-то мере диалогично» [1, с. 306]. Поэтому интерпретация художественного текста – сложный процесс постижения авторского «я», раскрытие его содержательно-концептуальной информации, репрезентированной средствами языка. Именно художественный текст выступает одним из критериев отбора языковых единиц, вербализующих представления определенной лингвокультурной общности.

В устном общении причины коммуникативных неудач, связанные с лингвистическими явлениями, порождаются отсутствием, прежде всего, языковой культуры. К ним можно отнести следующие:

- 1) неправильное употребление или искажение языкового знака, языкового кода (лексические ошибки, связанные с неразграничением полисемии, с употреблением синонимов, паронимов, омонимов, слов узкой сферы; нарушение грамматической связности и сочетаемости), что приводит к искажению иллюкативного эффекта речи – коммуникативного задания, например: *«Водяное общество» думает только о пустом и переливает воду; Многие интеллигенты опускали руки на происходящее; В классе показывали наглядность по лексическому значению; На факультативном занятии объединяются учащиеся по факультативным темам* (из ответов студентов);

2) грамматические аномалии, например: *не ложьте зеркало в парту* (из к/ф «Доживем до понедельника»); *они нас разорить хочут!* (газетн.);

3) синтаксические нарушения (порядок слов, связанный с актуальным членением предложения и высказывания; неумение расставить смысловые акценты; отсутствие знаний в употреблении служебных слов как средств логических связей и отношений между частями предложения и текста и др.), например: *К чему приводят результаты данной работы на факультете?; Число анализируемых произведений следовало бы увеличить в сочинении;*

4) стилистические несоответствия, например: *автор смело опускает руку в хранилище общенародного русского просторечия и извлекает из него те элементы языка, которые способны создать словесную живопись* (из науч. ст.); *Минск – дружественный детям город* (рекл.).

В тексте человек воспитывается эмоционально, поскольку ему присуща не только текстовая информация, но и концептуальная. Многообразие коммуникативных смыслов, а также интенциональных состояний коммуникантов не может быть полностью формализовано как в языковой, так и вообще в любой знаковой системе. Другими словами, психическое состояние человека может стать причиной коммуникативных неудач, например, текстов примитивных, «неуклюжих» и потому не информативных: *По итогам совещания мы получим соответствующее усиление работ* (тел.); *Новая мебель вдохновляет нас на получение знаний;* (положит.) *Мы вас запомним до гробовой доски* (из выступлений студентов) и др.

Как лингвистическую и экстралингвистическую одновременно причину коммуникативных неудач можно рассматривать нарушение правил речевого общения, свойственных данной культуре, которые известны как «культурные сценарии» (например, разное понимание форм вежливости). Так, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» большинство диалогов построено по принципу коммуникативных несоответствий (т. н. диалоги диссонансного типа), когда выбранная форма обращения навязывает сценарий, не имеющий продолжения, например: (диалог Мастера и поэта Ивана Бездомного) «*А вам, что же, мои стихи не нравятся?*» – *с любопытством спросил Иван. «Ужасно не нравятся».* – «*А вы какие читали?*» – «*Никаких я ваших стихов не читал!*» – *нервно воскликнул посетитель.*

Средства массовой информации – это особый тип общения, тип дискурса (язык в языке), взаимодействие участников коммуникации в определенных социоусловиях. Информационное поле СМИ формируется в основном за счет новостийной информации, которая имеет вид информационной мозаики: любое событие, любая ситуация могут быть представлены в СМИ. Наряду с информационной, комментарийно-оценочной, познавательной-просветительской, гедонистической функциями, СМИ активно воздействуют на умы и чувства людей. Не случайно их называют четвертой властью. Язык современных СМИ отражает богатство и одновременно всю сложность коммуникативной культуры начала XXI ст. Рассматривая образ современного журналиста, с одной стороны, можно отметить такое положительное явление, как стремление к открытости, к поиску информации с ориентацией на потенциального читателя / слушателя

и как результат – формирование имиджа автора, способного к диалогу, обладающего значительным потенциалом воздействия не только на читателя, но и на различные стороны жизни общества. И одной из положительных тенденций современной коммуникации является метафоризация речи автора, позволяющая сделать текст более ярким, следовательно – более воздействующим, например: *Как слезть с нефтяной иглы; капитаны промышленности и прорабы реформ*, использование аллюзии: *Над пропастью во лжи; Упал. Отжался. Заврался*. С другой стороны, современную журналистику захлестывает разговорно-просторечная стихия, кажущаяся по сравнению с нормированным языком более выразительной, более экспрессивной. Свобода слова – явление социально значимое, и, как оказалось, не каждому человеку она под силу.

Язык современной периодики, речь радио и телевидения в идеале должны соответствовать нормам современного литературного языка, поскольку нормы сегодня диктуют именно СМИ. К сожалению, до идеала им далеко, особенно радио и телевидению. Об этом свидетельствуют красноречивые факты: (тел.) *Я, может быть, ошибаюсь, вы уточните меня. Так много известных людей кончили этот университет; Не надо в таком сложном процессе доверяться на мнение помощника*; и мн. др. Таким образом, можно отметить изменения, которые сегодня наблюдаются в языке СМИ:

1) именно дискурс СМИ стал тем полем, на котором происходит стирание исторической границы между литературным языком и его внелитературными формами;

2) неоправданный в некоторых случаях полистилизм;

3) СМИ активно взаимодействуют с рекламными и ораторскими текстами, которые при всей своей близости к языку СМИ подчиняются иным стилистическим закономерностям.

В конце 80-х гг. прошлого столетия стали говорить о кризисе стилистики, связывая это с тем, что под влиянием американской лингвистики многие стилистические проблемы как бы поглотились риторикой. Наверное, это утверждение правомерно по отношению к стилистике ресурсов, или аналитической стилистике. Однако стиль сам по себе – явление вечное. Язык непредсказуем. Как только он становится таковым, он теряет свое основное свойство – быть средством коммуникации, поскольку способен не только отражать состояние общества, но и воздействовать на общественную ситуацию. Культурологический и социальный аспекты, предполагающие совокупность знаний и навыков, обеспечивающих применение языка в целях общения, свидетельствует о коммуникативном совершенстве речи. Социальную значимость коммуникативной лингвистики (следовательно, и художественной литературы) хорошо определяет Г. В. Колшанский: «Лингвистика, изучающая речевую коммуникацию в обществе, становится не только наукой, имеющей свой внутренний смысл <...>, но и наукой, решающей задачи, связанные с повседневной деятельностью человека во всех сферах жизни, то есть практические задачи, нацеленные на обеспечение взаимопонимания между людьми. В этом плане коммуникативная лингвистика

является одной из важнейших социальных дисциплин, которая содействует жизни общества» [2, с. 174].

Общество, в котором свобода слова стала осознаваться как одна из высших ценностей, пришла к пониманию того, что владение родным языком, умение продуцировать тексты различного функционального содержания в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего и ситуацией общения, вести дискуссию и полемику, инициировать коммуникативный акт и регулировать коммуникативное поведение сторон, создавать условия для корректной референции – важные характеристики профессиональных умений в различных сферах деятельности. Поэтому повышение качества преподавания русского языка предполагает воспитание, прежде всего, читательской культуры. Невозможно привить любовь к слову, увидеть его потенциал, не воспитывая культуру чтения, которая у современной молодежи крайне низкая. Между тем именно читательская компетентность – залог высокой культуры потребления информации, в том числе и средствами информационных технологий. В противном случае компьютер становится только источником сомнительных развлечений и пустого времяпрепровождения.

Литература

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 383 с.
4. Новиков, Л. А. Искусство слова / Л. А. Новиков. – М. : Педагогика, 1982. – 128 с.

И. К. Кудрявцева (Беларусь)

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БОББИ ЭНН МЕЙСОН

Проза Бобби Энн Мейсон стала заметным явлением в американской литературе конца XX – начала XXI веков. Писательница родилась в 1940 г. в Кентукки и была замечена читателями и литературными критиками после выхода сборника рассказов «Шайло и другие рассказы» («Shiloh and Other Stories», 1982), выдвинутого на получение Национальной книжной премии, премии Национальной ассоциации литературных критиков, Пен / Фолкнеровского литературного приза и удостоенного в 1983 г. премии им. Э. Хемингуэя за литературный дебют. С тех пор Мейсон